Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня мы вспоминаем Сретение Господне — встречу Господа, в переводе на современный русский язык. Зачем в Православной Церкви установлены праздники, и в частности праздник Сретения? Ради чего вспоминаются события, хотя и подлинные, как верим мы, православные христиане, — однако же, давно минувшие? Святые отцы, помимо всех великих добродетелей, которыми они приобретали благодать Божию: молитвы, поста, бдения и прочих, — имели и добродетель богомыслия. Это особенное делание, которое состоит в том, что подвижник углубляется в размышления о тайне Божия домостроительства, то есть явления в мир Христа Спасителя, об образе бытия Пресвятой Троицы и о других, подобных этим, великих вещах. Один монах, придя к другому и проведя с ним целый день в молчании и молении, увидел, что тот имеет дар непрестанной молитвы и в течение всего того времени находился в особом духовном состоянии, которое святые отцы называют созерцанием. Пришедший подвижник спросил другого монаха: «Меня научили созерцанию мои отцы, а ты как научился?» Он же отвечал: «Я научился этому при помощи молитвы и богомыслия».

Святые отцы — наши духовные предки, учителя и наставники — непрестанно размышляли об истинах нашего спасения. Живший сравнительно недавно (в конце XVIII — в первой половине XIX века) преподобный Серафим Саровский, всеми нами почитаемый великий русский святой, занимался богомыслием следующим образом: каждый день он прочитывал одного из четырех евангелистов, причем читал Евангелие в разных частях той пустынной местности, где подвизался. Одно место называлось у него — «он пол Иордана» (Заиорданье), другие — иначе, по названиям мест Святой Земли, где проходила земная жизнь Спасителя, и, читая в этих местах Евангелие, он погружался в размышление о воплощении Сына Божия.

Другой подвижник, живший также сравнительно недавно (в XVIII столетии), святитель Тихон Задонский, углублялся в богомыслие перед большой картиной, изображающей распятие Господне. Взирая на нее, он настолько погружался в созерцание, что переставал не только видеть, но даже и слышать, что вокруг него происходит. У него был обычай: когда у келейника появлялось к нему какое-то дело или наступало время, когда святителю Тихону нужно было заняться чем-то другим, — келейник заходил к нему и слегка покашливал, как бы давая сигнал, чтобы святитель отвлекся от своего занятия. Однажды келейник зашел к нему, кашлянул, но святитель никак не откликнулся. Келейник кашлянул еще раз и увидел, что тот настолько погружен в размышления, что ни на что не реагирует; тогда он был вынужден подойти и притронуться к его плечу. Это было так неожиданно для святителя Тихона Задонского,

погрузившегося в созерцание Крестной Жертвы Спасителя, что он встрепенулся и сказал: «Братец, что ж ты делаешь? Мы же договаривались, что ты будешь кашлем меня предупреждать, а теперь у меня от неожиданности сердце, как у голубя, трепещет» (как всегда бывает у человека, которого испугали). Тогда келейник вынужден был объяснить, что все это он сделал, но святитель не откликнулся, — и угодник Божий вплоть до своей кончины запретил келейнику рассказывать этот случай.

Так святые отцы занимались богомыслием: как могучие, сильные духом, они могли каждый день предаваться размышлению о страданиях Спасителя, пробегать, так сказать, умом всю Его жизнь или даже, подобно Григорию Богослову, размышлять о тайнах Пресвятой Троицы. Однако они заботились не только о себе, но предвидели и немощь христиан последующих времен: осуетившись необходимыми или, может быть, иногда и напрасными, произвольными заботами (в миру их бывает трудно различить), мы можем совершенно потерять из виду цель нашей жизни и нуждаемся в том, чтобы нам о ней напоминали. При помощи такого нарочитого, принужденного богомыслия мы можем себя духовно подбадривать и вновь оживлять свою веру. Поэтому наши учителя — не важно, кто именно: апостолы или их ученики, то есть святые отцы, — учредили праздники, отмечая которые, мы могли бы размышлять об особенно важных для нашего спасения событиях. (Иные из праздников, например Пасха Христова, берут свое начало еще со времен апостолов.) И вот сегодня мы вспоминаем Сретение Господне для того, чтобы, размышляя над этим событием, очами веры увидеть явившегося в мир Богомладенца Христа, поскольку сделать это телесными глазами нам, конечно, невозможно.

Когда исполнились дни очищения их по закону Моисееву, принесли Его (Господа Иисуса Христа) в Иерусалим, чтобы представить пред Господа, как предписано в законе Господнем, чтобы всякий младенец мужеского пола, разверзающий ложесна, был посвящен Господу (ст. 22-23). Действительно, в книге Исход (Исх.13:2) содержится такое предписание, но, как говорит один из святых отцов, в собственном смысле эти слова — разверзающий ложесна — относятся лишь к Господу Иисусу Христу, потому что у всех замужних женщин ложесна разверзает супруг. Только у Пресвятой Богородицы разверз ложесна Сам родившийся Богомладенец Христос, чудесным образом сохранив при этом Ее приснодевство. И чтобы принести в жертву, по реченному в законе Господнем, две горлицы или двух птенцов голубиных (ст. 24). Итак, это указание закона на самом деле явилось прообразом того, что должно было произойти: в словах всяк младенец мужескаго полу, разверзающий ложесна внимательный духовный человек увидит предсказание о том единственном Человеке, Богомладенце Христе, Который Сам разверз ложесна у Своей Матери, а предписание принести в жертву две горлицы или двух голубиных птенцов напоминает о двух природах в Господе Иисусе Христе — Божественной и человеческой. Сами же эти кроткие птицы, являющиеся символом чистоты, обозначают собой безгрешность человеческого естества Господа нашего Иисуса Христа.

Тогда был в Иерусалиме человек, именем Симеон. Он был муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева; и Дух Святый был на нем (ст. 25). Часто мы Евангелие пробегаем глазами лишь по привычке, не замечая важных, ключевых — если можно так выразиться — моментов для его понимания. Он был муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева - вот очень важные человеческие качества. Праведный — то есть святой Симеон вел себя внимательно, не допуская никаких преступлений нравственного закона. Был он и благочестивым: любил Богослужение, храм, молитву, благоговейно относился ко всем предписаниям Божественного закона и исполнял свой долг верующего человека. И наконец, он чаял утешения Израилева, — иначе говоря, он не был каким-то холодным человеком, который вроде бы верит и исполняет свой долг, но в душе безразличен к тому, что происходит в Церкви (имеется в виду общество истинно верующих). Праведный Симеон чаял утешения Израилева, то есть пришествия в мир Христа, и это внутреннее ожидание, как бы нетерпение, было признаком человека ревностного. Благодаря этим трем качествам, которыми праведный Симеон Богопримец обладал в великой мере, в его душе изобильно пребывал Дух Святой и праведник сподобился видеть пришедшего в мир Мессию, пророчествовать и открыть, что Этот Младенец, лежащий перед ним, и есть Христос.

Ему было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня (ст. 26). Мы не будем сейчас углубляться в Священное Предание, описывающее нам предысторию Сретения Господня, — скорее всего, это всем известно, но обратим свое внимание на евангельское повествование и постараемся оттуда извлечь для себя нравственный урок. Ему было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня. Как именно было предсказано Духом Святым, здесь не говорится. Благодать Божия, действующая в человеке святой жизни, иногда дает ему ясно почувствовать в сердце, как должно быть, а иногда и прямо открывает истину, подсказывая внутренне те или иные вещи, и без всяких объяснений и доказательств человек понимает, что это Голос Божий. Такое состояние испытывал на себе преподобный Силуан Афонский, подвижник благочестия, живший совсем недавно. Иногда, вопрошая Бога, он слышал в душе краткий, но ясный ответ, выражавшийся в конкретных словах, и знал, что таким образом ему открывает истину Дух Святой. Видимо, нечто подобное, может быть даже в большей степени, происходило в душе праведного Симеона, и он знал, что не умрет, пока не увидит Мессию. По Преданию, ему было сверхъестественно много лет — около трехсот, то есть он был глубоким стариком. Старость, немощи тяготят человека. Про Иова сказано, что он умер насыщенный днями (Иов 42, 17). Значит, возможно такое состояние, когда человек уже насыщается жизнью — как досыта поевший не хочет больше даже самой вкусной пищи, так и достигшие насыщения жизнью уже не хотят более жить, но как бы устают от пребывания среди людей, суеты и греха.

И пришел он по вдохновению в храм. И, когда родители принесли Младенца Иисуса, чтобы совершить над Ним законный обряд, он взял Его на руки, благословил Бога и сказал… (ст. 27-28) Праведный Симеон пришел в храм по вдохновению, то есть не просто так, а имея откровение, что сейчас должно произойти то, чего он ожидал очень много лет. И вот, когда принесли Младенца Иисуса, Он взял Его на руки, благословил Бога и сказал слова, всем нам хорошо знакомые, потому что они повторяются — читаются или поются — на каждом вечернем Богослужении. Эти слова получили название «Песнь праведного Симеона», потому что по своему возвышенному поэтическому слогу и, главное, по своему содержанию они действительно стали песней.

Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром, яко видесте очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицем всех людей, свет во откровение языков и славу людей Твоих Израиля. — По-русски: Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицем всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля (ст. 29-32). Эти необыкновенные слова, которые сами по себе требуют углубленного толкования, вызывают у нас вопрос: к Кому они обращены — к невидимому Богу, присутствующему везде, и в первую очередь в храме Господнем, или непосредственно к Самому Богомладенцу Христу? Обратим внимание на содержание слов праведного Симеона. Он говорит про Богомладенца: «Ибо видели очи мои спасение Твое», понятно, что это выражение относится именно к Богомладенцу, потому что в Нем состоит спасение, Которое Ты уготовал пред лицем всех народов. Духом святой прозревал, что Этот Младенец спасет все народы и называет Его Светом к просвещению язычников и славой народа Твоего Израиля. Святой Симеон, постигая эти великие вещи и созерцая события, которые должны были происходить после его смерти на протяжении столетий и даже тысячелетий, мог ли не понимать, что Младенец, Которого он держит в своих объятиях, есть Истинный Бог, воплотившийся и принявший на Себя человеческое естество? Итак, к Самому Младенцу обращался праведник с этими необыкновенными возвышенными словами, с этой песней сердца, исполненного Духом Святым, и именно Богомладенцу Христу он говорил: «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко». Святой Дух не мог не открыть ему того, что Младенец есть Сам Бог.

И вот, мы созерцаем таинство веры: в немощном младенческом теле (а младенец является символом совершенной беспомощности и немощи) этот блаженный старец увидел Сына Божия. Почему же он смог увидеть Его? Потому что на праведном Симеоне был Дух Святой. Праведник увидел, поверил, познал Сына Божия, потому что Дух Святой открыл ему скрытое под немощью человеческого тела, то, что нельзя было увидеть телесными глазами или ощутить руками. Но и глаза, и руки, и все существо этого человека было сверхъестественно пронизано Духом Святым. Действием благодати подвижник созерцает неизреченные тайны и видит их также ясно и, может быть, даже более ясно, чем мы, немощные люди, своими телесными чувствами воспринимаем материальную, окружающую нас, действительность. Для святых людей

духовный мир реальнее, чем для нас — мир вещественный, в который мы погружены. И вот, когда мы стремимся приобрести такую основополагающую добродетель как веру, без которой невозможно спасение и через которую даруются нам и потом развиваются все прочие добродетели (а без веры ни одна добродетель не может иметь никакой цены), мы должны понимать, что она ниспосылается нам Духом Святым, а не приобретается нашими собственными усилиями, что это высочайший дар Божий, состоящий в том, что Божия благодать прививает нам то, чего нет в нашей природе.

Как дикая яблонька может приносить плоды только тогда, когда к ней привита яблоня культурная, — так и мы становимся способны к чему-либо духовному только в том случае, когда к нам «прививается» благодать Божия. Но для этого нам необходимы добродетели, которые были у святого Симеона: праведность, под которой нужно понимать стремление к сохранению своей совести в чистоте; благочестие, то есть правая вера, благоговейное отношение к Божественным истинам, к Богослужению, проявляющееся везде — и в частной, и в общественной жизни; и наконец, ревность, желание соединиться с Богом, как и у праведного Симеона было желание увидеть утешение Израилево — явившегося Христа.

Иосиф же и Матерь Его дивились сказанному о Нем. И благословил их Симеон, и сказал Марии, Матери Его: се лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, — и Тебе Самой оружие пройдет душу, — да откроются помышления многих сердец (ст. 33-35). Словами Тебе Самой оружие пройдет душу праведный Симеон предсказывал Божией Матери невыносимые страдания, которые Она должна будет вынести, когда увидит Господа Иисуса Христа распятым за наше спасение. Конечно, в тот момент Пресвятая Богородица, может быть, не понимала вполне значения слов блаженного старца, но, несомненно, во время пребывания возле Креста и переживания страданий Своего Сына — испытывая материнские муки, которые трудно даже и описать, — Она не могла не вспомнить это предсказание праведного Симеона.

Да откроются помышления многих сердец. Действительно, многие люди кажутся добрыми, но помышления их сердец открываются, когда они созерцают тайну Креста Христова и делают для себя выбор. Вдруг обнаруживается, что тот, кто по видимости был добрым, имеет в себе нечто злое, порочное, не допускающее его к вере. И наоборот: человек грешный имеет добрую сердцевину и доброго в нем больше или, по крайней мере, добро в нем сильнее, чем зло.

Тут была также Анна пророчица, дочь Фануилова, от колена Асирова, достигшая

глубокой старости, прожив с мужем от девства своего семь лет, вдова лет восьмидесяти четырех, которая не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь (ст. 36-37). Обратите внимание, Евангелие говорит, что в то время, когда большинство израильтянок оставались безразличными к явившемуся в мир Христу, одна из них познала в Этом Младенце Христа и Сына Божия. Что мы видим? Анна достигла глубокой старости и жила в целомудрии, то есть с мужем она прожила всего семь лет от своего девства, потом, как надо думать, овдовела. В то время выходили замуж очень рано — в пятнадцать-шестнадцать лет. Представьте себе: после смерти мужа Анне было двадцать с небольшим лет, и эта юная женщина, которая, естественно, по закону могла второй раз выйти замуж, осталась вдовой и всю свою жизнь посвятила Богу, то есть жила в целомудрии. И не только в целомудрии, но, как говорится, не отходила от храма, то есть бывала там на всех богослужениях, постом и молитвою служа Богу день и ночь. Итак, кроме любви к богослужению она еще стремилась соблюдать пост, — и действительно, как без поста можно сохранить целомудрие? Также Анна постоянно молилась — не только в храме, но и в то время, когда она была вынуждена оставлять Богослужение или оно прекращалось. И это также признаки человека, который приобрел пламенную, истинную, глубокую веру.

И она в то время, подошедши, славила Господа и говорила о Нем всем, ожидающим избавления в Иерусалиме. И когда они совершили все по закону Господню, возвратились в Галилею, в город свой Назарет (ст. 39-40). Рассказ о добродетелях праведной Анны дополняет то, чего не достает в предыдущем повествовании — о святом Симеоне. Понятно, что раз Анна увидела в Младенце Иисусе Сына Божия, значит, она также имела на себе Духа Святаго. И если праведный Симеон имел на себе Духа Святаго, значит, он имел те же самые добродетели, какие были и у праведной Анны: целомудрие, пост, молитву, благочестие, выражавшееся в любви к богослужению. Вот как кратко и просто сказано в Священном Евангелии о том, что необходимо нам для приобретения истинной веры, такой, чтобы увидеть таинственные Божественные вещи там, где обычные человеческие чувства безмолвствуют и ничего не могут нам открыть, — увидеть там, где другие ничего не видят!

Если в нашей душе есть некоторая вера, то именно потому, что в нас, может быть немного, но все же присутствуют упомянутые добродетели. Но для того, чтобы приобрести веру, подобную той ясной вере, какую имели праведный Симеон и Анна пророчица, взиравшие на немощного Младенца и в Нем видевшие Бога, Творца и Спасителя мира, — для этого необходимо наши добродетели усугублять, развивать, сохранять, можно сказать лелеять. В особенности просто сделать вывод о том, что нам нужно делать, из жизни праведной Анны: целомудрие, любовь к храму и богослужению, пост и молитва, — все свое время она отдавала такому богоугождению. Казалось бы, кто она такая? Обыкновенная женщина, внешне ничего собой не представлявшая, не принадлежащая ни к какой знати, и, конечно же, по своему полу она не могла принадлежать и к священническому сословию. Но все это не умалило ее любви,

ревности к храму Божию, к благочестию истинному, действительному, деятельному, а не к только теоретическому представлению о нем, которое содержится в нашем уме.

Все мы признаем, что любим Бога, а в храм пойти — лень или сил нет, поститься — постимся с ропотом, а если и живем целомудренно, то увлекаемся нечистыми помыслами, именно внутренне бываем нецеломудренны. Что же говорить о молитве? Неужели мы служим Богу молитвой день и ночь? Разве мы не находим много разных поводов для того, чтобы оставить молитву и заняться чем-то более приятным и легким? Да, молиться трудно. Но тот, кто любит Бога, тот преодолевает эту трудность и, в конце концов, получает от молитвы великое утешение. Если б мы заботились об этих немногих основных добродетелях: целомудрии, участии в богослужении, посте, молитве, — через них приобрели бы все прочие. Как просто запомнить! Вот о чем нам нужно думать и помнить и вот чему следовать. И если будем ревностно приобретать эти добродетели, то в нас появится вера, подобная вере праведного Симеона и Анны пророчицы. Тогда мы будем не только созерцать внешнюю сторону богослужения, но за его символами увидим и Того, Кого они обозначают и изображают, и почувствуем, что происходит служение Богу, присутствующему на этом святом месте — в православном храме. Более того, мы увидим Бога и в своем сердце, — Он всегда с нами, если мы заботимся о том, чтобы самим всегда пребывать с Ним. Тогда мы станем людьми истинно, полно и по-настоящему верующими. Дух Святой, пребывающий на нас, откроет нам то, что сокрыто от тех людей, которые заботятся только о временном, земном и вещественном или надеются, что вера — это нечто простое, доступное, приобретаемое без труда. Конечно, даже наш собственный опыт, хотя и отрицательный, убеждает нас, что это не так. Истинная благодатная вера такова, что мы не стыдимся, взирая на нечто немощное, непонятное другим людям, увидеть присутствующего там Бога и исповедать Его — подобно тому, как праведный Симеон взирал на Младенца Иисуса и сказал: «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром». Аминь.

Схиархимандрит Авраам (Рейдман)

Источник: Николо-Тихвинский женский монастырь г.Екатеринбург